

Игнатий Потапенко

Вечный

Игнатий Николаевич Потапенко
Вечный
Серия «Записки старого студента»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=622855

Аннотация

«– Что, брат, трусишь? – спросил Аристарх Глаголев молодого студентика второго курса, собиравшегося сдавать экзамен по какому-то „праву“, хотя он за последние дни сдал их уже много. – А я нисколько. Вот так пойду и буду разговаривать с профессором, как с тобою.».

Игнатий Николаевич Потапенко Вечный

– Что, брат, трусишь? – спросил Аристарх Глаголев молодого студентика второго курса, собиравшегося сдавать экзамен по какому-то «праву», хотя он за последние дни сдал их уже много. – А я нисколько. Вот так пойду и буду разговаривать с профессором, как с тобою.

Студент посмотрел на него с удивлением.

– Но ведь ты, Глаголев, ничего не знаешь. У тебя даже записок нет.

– То есть, как не знаю? Я, пожалуй, записок твоих не знаю, это верно, но о предмете могу говорить сорок восемь часов без умолку.

– И выдержишь?

– Обязательно.

– Но как ты этого достигаешь?

– Гм!.. Не могу тебе объяснить этого. Опыт... Я в своей жизни выдержал, не считая, разумеется, гимназических... постой... чтоб не соврать... да, полагаю, до двухсот экзаменов...

Молодой студент посмотрел на него с глубоким уважением. Он шёл всего только на семнадцатый экзамен, считая со

времени вступления в университет.

Да и разница между ними была большая, хотя они и были оба студентами второго курса юридического факультета. Молодой студент, которого звали Борисовым, производил впечатление совсем подростка. Ему, правда, было на несколько месяцев более двадцати лет, но усы ещё отказывались расти, а на подбородке появилось всего десятка три русых волос. Глаголев же обладал широкой окладистой бородой со странным, рассекавшим её посередине клоком седых волос и многочисленными складками на лбу, который казался огромным, вследствие изрядной лысины.

Они отправились вместе. Было часа два дня; большинство товарищей по курсу уже покончили с экзаменом. В аудитории была небольшая группа, человек в шесть. Все сидели с напряжёнными глазами. У профессора был усталый вид, он спрашивал вяло и, когда студент отвечал, казалось, не слушал. Только у Глаголева был необыкновенно уверенный взгляд, и это было тем более странно, что он очень редко ходил на лекции и совсем не признавал тетрадок и литографированных полулистов.

Профессор не вызывал по фамилиям, а предоставлял студентам подходить кто хотел. Он не был придирчив, но считался строгим. В особенности от него ожидали строгости в этот час, когда ему стало скучно.

Борисов поднялся, а за ним и Глаголев, и оба пошли к столу. Борисов пошёл отвечать, Глаголев сел в кресле поодаль

и с весёлой улыбкой смотрел на товарищей, на скупающего профессора, на бледного Борисова. Он точно пришёл в гости к профессору и ждал, когда тот освободится.

Борисов кончил свой ответ. Глаголев придвинулся; профессор поднял на него глаза, тотчас оживился, и между ними началась беседа. Это не был экзамен, а просто разговор двух людей, понимавших друг друга. Говорили они о разных вопросах, касавшихся права; Глаголев не соглашался с профессором, профессор защищал своё мнение. Глаголев горячо спорил.

– Но позвольте, – говорил он и при этом, вследствие дурной привычки, жестикулировал несколько больше, чем следует, – если мы на минуту допустим, что вы правы, то получится ряд противоречий, которые мы никогда не будем в состоянии примирить...

Профессор слушал его со вниманием и, наконец, сказал:

– К сожалению, у меня нет времени продолжать этот интересный разговор, я хотел бы его когда-нибудь возобновить. Меня очень интересует ваша точка зрения...

Глаголев встал, поклонился профессору и удалился. Ему поставили пять. Из университета он зашёл пообедать в плохонький трактир. Борисов был с ним.

– Как ты можешь так свободно держаться с профессором? – спросил Борисов, у которого был теперь довольный и спокойный вид, так как он получил четвёрку.

– Да почему же, мой друг? Ведь профессор – человек, и

я тоже человек.

– Но ты совсем не знаешь предмета. Ты не знаком с лекциями.

– Но, голубчик мой, мне тридцать девятый год, я уже четырнадцать лет в университете, и за это время сколько я книг перечитал! Ведь профессор тоже не сам свои знания выдумал. Он учился у других и по книгам, я тоже эти книги читал и могу рассуждать, – вот и всё...

После обеда Глаголев отправился домой. Он жил далеко, где-то за Девичьим полем, но всегда шагал пешком. Ноги у него были длинные, с ним идти рядом было мученье. Он делал такие широкие шаги, что нужно было бежать, чтобы поспеть за ним.

Он остановился, когда дошёл до маленького деревянного домика с чистеньким двором и с крыльцом, обведённым диким виноградом. Он вошёл во двор, поднялся на крыльцо. Здесь внимание его обратил на себя один предмет, который в первую минуту показался ему новым. Это был деревянный сундук с выпуклой полукруглой крышкой, весь обитый жестию. Сундук этот здесь никогда не бывал. Сегодня утром ещё он шёл через это крыльцо – другого хода не было – и сундук здесь не стоял.

Он остановился. Сундук не просто заинтересовал его, а как-то странно встревожил, вызвал в нём какое-то смутное чувство, как будто с ним было связано воспоминание. Сундук был старый, с потемневшей обивкой, в иных местах да-

же ободранной.

«Удивительно, – подумал Глаголев, – откуда этот сундук?»

И вдруг его осенила мысль:

«Но ведь это... это наш сундук... сундук, который я уже знаю тридцать лет... Это сундук моего старика... моего отца...»

И ему показалось, что совершилось чудо. Каким образом старый сундук перекочевал сюда из города Кинешмы, где отец его служил почтовым чиновником? Может быть, это случайное совпадение? Может быть, хозяйка квартиры просто-напросто купила этот сундук на толкучке и поставила здесь?

Он вошёл в дом, никого не встретил в сенях и повернул направо, в свою комнату. Когда он отворил дверь, то увидел, что на старом единственном кресле с обивкой, превратившейся от времени в лохмотья, лежала скомканная николаевская шинель, а на столе чиновничья фуражка, на полу же важно стояли высочайшие кожаные калоши на фланелевой подкладке, а на кровати лежала во весь рост длинная, сухощавая фигура, с бритым, морщинистым лицом и совершенно белыми, низко остриженными, волосами.

Глаголев внимательно взглянул на него.

«Батюшка мой приехал! – думал он, стоя перед кроватью с скрещенными на груди руками. – Вот так старина! Решился! Покинул Кинешму!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.